

Чарльз Буковски

It Catches My Heart in it's Hands

@ 1963, Bukowski Charles.

@ 2012, Игорь Хлопов, перевод на русский.

В сборнике под названием «burning in water drowning in flame» эта книга стихов первая - «it catches my heart in its hands». Мне еще предстоит перевести названия. Но сейчас меня интересует канва в энциклопедическом духе. Сухие факты плюс немного аромата юности. Сколько ему было? Все говорят, что он начал писать стихи в 35. после той самой кровавой харкотины с верхнего этажа скорой. Значит где-то...?

Перевод первой книги стихов Буковски. Я видел где-то название в русскоязычном интернете, но я совершенно точно знаю, что полностью книга не переводилась никогда. Может быть одно стихотворение. Максимум два. Википедия считает, что эта книга стихов не первая. Ну, неужели... вы можете мне что-то гарантировать относительно издания книг в США шестидесятых годов? Хуета. Даже те, кто издавал или издавались уже мертвы. Давно мертвы.

Poetry

· Longshot Poems for Broke Players (1962)

· It Catches My Heart in it's Hands (1963)

Вот так это выглядит в энциклопедии. Сначала какой-то longshot poems... никогда не читал, поэтому не могу судить, осталась ли где-нибудь копия. Если существует какой-нибудь более ебнутый, чем я, я вполне готов послушать совета, увидеть ссылку... я не искал. 1963 год.

1963 год. Чарльзу Буковски 43 года. Он уже потерял одну любимую от пьянства, он уже давно играет на лошадях, он уже дважды женат, он уже жил в Филадельфии и новом орлеане, у него уже есть дочь, он уже публиковался и его уже отвергали. Его, его, его.... Когда читаешь, кажется, что было уже всё. и даже чуть-чуть больше. Даже смерть в благотворительной палате. Везде. Все. Всё.

почитаем, что он сам пишет о книге в предисловии к сборнику 1974 года:

«каждая из книг в сборнике вызывает во мне определенные воспоминания. Для того, чтобы написать “it catches my heart in its hands”, мне пришлось совершить путешествие в Новый Орлеан. Моему издателю было необходимо предварительно проверить, являюсь ли я нормальным человеческим существом...

Ожидая собаку (автобус между городами) на Union station возле terminal annex недалеко от почтамта, где я работал на дядю сэма, я сидел в привокзальном баре, жрал скотч с содовой и думал о будущей поездке в новый орлеан, где буду оцененным и записанным в категорию бывшим зэком, у которого был допотопный печатный станок.

Джон Вебб считал, что большинство авторов (а он встречался с некоторыми неплохими, включая Шервуда Андерсона, Фолкнера и Хемингуэя) были отвратительными человеческими существами в том случае, если им приходилось отрываться от своей печатной машинки.

В общем, я приехал, они меня встретили (джон и его жена - Луиза) мы немного выпили и разговаривали в течение 2 недель, после чего джон сказал: «ты – ублюдок, буковски, но я буду печатать тебя в любом случае». После этого я уехал из города. Но на этом все не кончилось. Вскоре они оказались в Лос Анджелесе со своими 2 собаками в зеленом отеле прямо на старых улицах. Перепроверка. Пили и болтали. Я все еще оставался ублюдком. До свидания. Очень много обниманий и маханий платочками. Луиза даже всплакнула. it catches my heart in its hands были опубликованы.

Стихотворения с 1955 по 1963 год. Приблизительно 25 стихотворений. 35-38 лет.

It catches my heart in its hands. Оно ловит мое сердце своими руками.

Трагедия листьев

я проснулся в трезвый рассудок, когда папоротники были мертвы,
посаженные растения, желтые как зерно,
моя женщина ушла от меня
и пустые бутылки как истекшие кровью трупы
оказали меня своей бесполезностью;
тем не менее, солнышко все еще светило неплохо,
записка моей домохозяйки втерлась ко мне в компанию и
эта чертова не приглашенная желтизна;
мне бы вполне сейчас пригодился
хороший комический актер, что-нибудь проверенное временем, гаер,
с его шутками над абсурдной болью; как же глупа боль
просто потому что существует, ни капли больше;
я тщательно выбрился старой бритвой
человек, который однажды был молод и
говорил, что является гением; но
в этом и есть трагедия листьев,
мертвых папоротников, мертвых растений;

я прошел сквозь темный зал
где стояла моя домохозяйка,
ненавидя меня окончательно,
желая, чтобы я оказался в ее аду, растрачивая свой жир, потирая потные ручки
крича

крича об арендной плате,

только потому что мир поимел нас обоих

ёбаной суке, забравшей мои стихотворения

некоторые говорят, что мы должны воздерживаться от того, чтобы вкладывать

некоторое личное говно в стихотворения

«оставайся отвлеченным», и в этом есть свой смысл,

но ебанный иисус!

12 стихотворений пропали, а я не оставляю копий и ты прихватила

мои

картины, в том числе мои любимые, ты меня душишь:

ты что пытаешься сломать меня как и тех других?

почему ты не забрала мои деньги? Обычно вы делаете именно так

из спящих, ужратых в говно брюк, блюющих в углу.

в следующий раз возьми мою левую руку или бутылку

но не мои стихи

я не Шекспир

но однажды просто

не будет никаких отвлеченных или еще каких-либо стихов;

не будет больше денег и шлюх и пьяниц

вплоть до последней бомбы,

как говорил Господь, я вижу, что сотворил огромное число поэтов
и так мало поэзии.

мир из окна третьего этажа

я наблюдаю за девушкой, одетой в
легкий зеленый свитер, голубые шорты, черные длинные чулки;
у нее на шее какое-то ожерелье,
Но ее сиськи малы – бедняжка,
она смотрит на свои ногти
пока ее немытая белая собака нюхает траву вокруг
наматывая безумные круги;
еще там кружит голубь сумасшедший, пикирующий,
полумертвый из-за тиканья в своей голове
и здесь наверху я, в моем исподнем
трехдневная борода, наливающий себе пива и ждущий
чтобы со мной случилось что-нибудь поэтичное
но этот голубь все кружится и кружится и тонкий старый уебок
проживающий свою последнюю холодную зиму
катится, пихаемый девушкой,
одетой в форму католической школы,
где-то там Альпы и корабли
сейчас переплывают моря,
где-то громоздятся кучи мегабомб атомобомб

достаточных, чтобы взорвать к чертям 50 тысяч миров, но они все кружатся,
девушки качают своими жопами
и голливудские горы нависают надо мной
полные безумных и пьяных людей
и так много поцелуев на задних сиденьях
мне не нравятся все эти che sera, che sera:
ее маленькая бедная собака просто не будет срать
и с последним взглядом на свои ногти
она с потрясающим верчением задницей
идет к своим ступенькам
ведомая своей запорной собакой, которой срать на забор,
оставляя меня любоваться на уродливого голубя...
что ж, с моей точки зрения ясно:
бомбы не упадут.

Для Мэрилин М.

тонко оплывая в яркие угольки,
о тебе плакали тысячи сладких слез
твое готовое на все тело зажигало для мужчин огни
в темные ночи,

а теперь твоя ночь темнее
моего угла
и мы довольно скоро тебя забудем,
пусть это и нечестно
но их тела ближе
и пока черви обглаживают твоё тело,
я бы хотел сказать тебе, что это происходит со слонами и медведями
тиранами и героями и муравьями
и лягушками
ты смогла дать нам что-то
некую иллюзию большой победы
и поэтому я говорю «хорошо»
и давай не будем больше грустить
мы с тобой не высушенный цветок
мы забываем и вспоминаем
мы ждем. Дитя, дитя...
я поднимаю мой стакан, держу его в небе целую минуту
и улыбаюсь
тебе.

я не люблю следующее стихотворение
оно про Бородину,
и дилемма
ради полноты
надо переводить

но впадлу
что делать?
и оно уже было кем-то переведено
кстати
думаю нахуй
одно из немногих переведенных
ок.
его не перевожу,
ищите в сети
про Бородина

бесплатно

эта детка на трибуне
с высушенной красной краской головой
все продолжала напирать на меня своей грудью
болтая о Гардене
покерных кабинетиках
но я выдул дымное облако
ей в лицо
и рассказал кое-что про выставку
Ван Гога, которую
я когда-то видел на вершине холма
и в эту ночь
когда я вез ее домой

она сказала, что

Big Red был лучшей лошастью

какую она когда-либо видела-

до тех пор пока я не снял с себя все, что на мне было.

пусть я и думал о всем этом ван гоге,

Дальше две строчки, которые я не могу перевести. Может быть позже. Они мне не даются. Так бывает. Я не жалею. Может быть потом.

**

я встретился с нею то ли по переписке, то ли по поэзии, то ли по журналам

и она начала присылать мне эти сексуальные стихотворения об изнасилованиях и похоти,

и смешав это всё с легким налетом интеллектуальности

она немного закатала меня, после чего я сел в машину и поехал немного севернее

сквозь горные гряды и аллеи и тротуары, сквозь тротуары

бессонный, только что из запоя, только что разведен,

безработный, стареющий, усталый, в основном нуждающийся во сне последние 5 или 10 лет,

я наконец нашел мотель

в маленьком солнечном городе посреди грязной дороги,

и сел, закуривая сигарету,

думая «ты свихнулся, мужик»,

я опоздал на часок

при встрече с нареченной, а она была довольно, блядь, стара

почти также стара как и я, а я уже не так пиздатно хорош

и она протянула мне это гнилое яблоко
которое я сжевал оставшимися у меня зубами,
она умирала от какой-то неизвестной мне болезни
что-то навроде астмы, и она говорила
я хочу рассказать тебе секрет и я говорил,
я знаю в 35 ты все еще девственница.
она достала записную книжку 12 или 10 стихов:
дело всей ее жизни и мне приходилось читать их
я старался быть добрым
но стихи были очень хуёвы.
и я повел ее кое-куда. на боксерские поединки,
она кашляла в сигаретном дыму,
и оглядывалась, оглядывалась,
на всех этих людей
а потом на боксеров
сжимающих кулаки
ты никогда не волнуешься? – спросила она
но я был довольно сильно взволнован этой ночью
потом я встретился с ней три или четыре раза
помог исправить некоторые стихотворения
после чего она засунула язык мне в середину глотки
а после того как я ушел от нее
она все еще оставалась девственницей и очень плохим поэтом.
мне кажется, что если баба держала свои ноги скрещенными
25 лет
уже слишком поздно

как для любви,
так и для поэзии.

близнецы из It catches my heart... (с)...

он намекал мне временами на то, что я ублюдок, а я советовал ему послушать
Брамса и я говорил ему, чтобы он научился рисовать и пить и не быть
подкаблучником и рабом денег
но он кричал мне "Господи Боже! помни о своей матери,
помни о своей стране,
ты убиваешь нас всех! ...

Я иду сквозь дом отца (он все еще должен за него 8000\$ после 20
лет на одной и той же работе) и смотрю на его мертвые ботинки
как его ноги выгнули их кожу будто он злобно высаживал розы,
а он действительно это делал и я смотрю на его мертвую сигарету, его последнюю
сигарету
и последнюю кровать на которой он спал в эту ночь и я чувствую что должен переделать
все это
но я не могу, потому что отец всегда твой хозяин, даже после того как ушёл;
я знаю, что такие вещи происходят сейчас и будут еще происходить но не могу
остановить мысль о том, что

умереть на кухонном полу в 7 утра
когда остальные жарят яичницы
не так уж и круто
до тех пор пока это не происходит с тобой

я выхожу из дома и подбираю апельсин отдираю его яркую кожу;
они всё ещё живы: трава растёт вполне хорошо,
солнце, с кружащимся вокруг русским спутником, посылает вниз свои лучи,
где-то лает собака, соседи подсматривают за тем как я иду.
я здесь совершенно чужой, и всегда им был (я думаю), что-то наподобие бродяги,
и я точно уверен, что он рассказывал обо мне хорошего (старик и я
дрались как горные львы), говорят, что он оставил все какой-то женщине
живущей в Duarte но мне все равно - пусть забирает:
он был моим
стариком

и он умер

я захожу внутрь и примеряю светло синий костюм
лучший из всего что я когда-либо носил
я взмахиваю рукавами как пугало на ветру
но это не срабатывает
я не могу сделать так чтобы он жил

неважно, что мы ненавидели друг друга.
мы были совершенно похожи, мы могли быть близнецами
мой старик и я: так нам
говорили. у него стояли его луковицы
готовые к посадке
пока я валялся со шлюхой с третьей улицы.

отлично. дай нам это мгновение: стоя у зеркала
в отцовском костюме
тоже ожидая
смерти.

День, когда в музее лос анжелеса шел дождь

еврей наклонился вперед и

умер. 99 пулеметов
были отправлены во Францию. кто-то выиграл третий заезд
пока я рассматривал
пропеллер старого моноплана
ко мне подошел мужик с повязкой на глазу. начался
дождь. дождь шел и шел и скорые помощи ехали
вместе
по улицам, и несмотря на то,
что всё вокруг было правильно скучным

мне нравилась эта секунда
как нравились те времена в Новом Орлеане
когда я жил питаясь шоколадками
и рассматривая голубей
на задних улицах с французскими именами
с рекой ставшей позади меня
бездной
облака болезненно двигались сквозь
мертвое небо
в такой же миг Цезаря ударили ножом
и я пообещал себе
что однажды вспомню
как это было

ко мне подошел мужик и кашлянул.
думаешь дождь перестанет? спросил он.
я не ответил. я дотронулся
до старого пропеллера и слушал
как муравьи спешат по крыше
в сторону конца света. уходи, сказал я,
уйди или я позову
охрану.

следующее стихотворение переводить было крайне сложно. несмотря на то, что оно короткое.

Пиво в 2 часа дня

ничто не имеет значения
кроме того, что ты плюхнулся на матрас
с дешевыми мечтами и пивом
пока листья умирают и лошади умирают
и домохозяйки пялятся в пустоту холлов;
оживи музыку задернутых штор,
последняя пещера человека
в бесчисленности стай вокруг
и взрывов;
ничего кроме капающего крана,
пустой бутылки,
эйфории,
огражденная от мира юность,
застывшая и пьяная,
заучены слова,
подпертая
на смерть

это стихотворение мне кажется очень радостным :) его я перевел не исправляя ни одного слова при перечитке.

ура говорят лошади

ура говорят лошади, сегодня у нас день виновных
а мы красные словно кровь.

ура говорят лошади, сегодня среда
и мы цветом там где пали солдаты,
и любовники,
и змеи, сожравшие мир.

ура говорят розы, тьма приходит
мгновенно, как будто кто-то выключил свет,
солнце оставляет континенты темными
и камни стоят рядами.

ура говорят розы, пушечные ядра и побег,
птицы, пчелы, убийцы, сегодня пятница
рука высунула медаль из окна,
мимо пролетела ночная бабочка со скоростью полмили в час,

ура ура

ура говорят лошади
нам принадлежат империи,

и солнце кричит:

ура ура ура

поэтому мы все и нравимся тебе.

это последнее стихотворение книги. скакнул на последнюю страницу, потому что скакнул.

Лошадь на 340 долларов и шлюха на сотку

вы только не подумайте, что я поэт; меня можно встретить
на скачках в любой из дней полупьяным
ставящим на четвертных, полукровок и чистокровок,
послушайте меня, там есть некоторые женщины,
которые направляются прямо вслед за деньгами, и иногда в тех случаях когда
ты смотришь на этих сто долларовых шлюх
ты спрашиваешь себя было ли это шуткой природы
наградить их такими огромными грудями и задницами
и скрепить это все между собой таким образом, ты смотришь и смотришь, и
смотришь и не можешь поверить в то, что на свете есть обычные женщины
и в этих сучках есть что-то еще такое, что заставляет тебя хотеть
разрывать картины и разбивать пластинки Бетховена
о спины сутенеров; в общем, сезон скачек
заканчивался и больших парней заматали потихоньку,
и все не профи, операторы,
торговцы травой, продавцы мехов и сами
владельцы заканчивались, в этот самый день бежал Saint Louie:
жеребец, который ломался когда шел наравне голова к голове с соперником;
он бежал с низко опущенной головой, и был злобным и уродливым
и шел как 35 к 1, у меня была поставлена на него десятка.
жокей держал его широко

где он мог бы бежать в одиночестве, подальше от забора,
пусть ему приходилось бежать вчетверо больше соперников,
и так он и шел
всю дистанцию по внешнему радиусу
преодолевая две мили там где можно было одну
и он выиграл словно был одержимым из ада
и даже не устал,
и самая большая блондинка из всех
вся состоящая из жопы и сисек, больше ничего
пошла к окошку вместе со мной.

в эту ночь я мог уничтожить ее
несмотря на то, что родники брызгали искрами
и искры разбивались о стены.
немного позже она сидела одетая в комбинацию
прикладываясь к Old Grandad
и спрашивая меня
что такой парень как ты делает
в такой помойке?

и я сказал

я поэт

она откинула свою прекрасную голову и засмеялась.

ты? ты... поэт?

думаю это так, ответил я, думаю ты права.

она все равно выглядела хорошо, все равно выглядела хорошо,
моя огромная благодарность той уродливой лошади,
что написала это стихотворение.

Старый поэт

я бы, разумеется, предпочел быть с лисицей в кустах
вместо фотографии старого гвоздя в моем кармане
под звуки недовольного хора видеть эти женские ноги, ноги, ноги,
стремящиеся ввысь, показывающие всё, кроме причинного места,
но в то же время я мог бы сейчас быть мертвым

повсюду дует этот больной ветер

и Китс мертв

и я умираю

не может быть ничего столь же дерьмово беспутного

как старый размякший поэт

расплывшийся телом и разумом

и удачей, лошади бегущие куда угодно кроме как к цели,

рак костей Вегаса, которым болеет тонкий зеленый бумажник,
Шостакович по радио слышен слишком часто
и пустые банки пива, высосанные сквозь соломинку,
со ртом и разумом сломанными
на пути молодых мужчин.
в окне виднеется жаркий полдень
я с размаху бью мимо издевающейся надо мной мухи,
и падаю тяжело словно удар грома,
но внизу, они там поймут:
он либо пьян, либо умирает,
старый поэт, который неясно кивает если встречает вас в коридоре,
ломает палки о спины
невинных собак
и плюется тем, что
еще осталось от его солнца.
у почтальона есть кое-что для него,
он несет это в свою комнату
и открывает, словно лепестки розы
только для того, чтобы закричать громко и бесплотно,
и его гроб полон
записками из ада.
но этим утром вы снова увидите его
запихивающим в ящики маленькие конверты,
все еще волнующимся о своих

арендной плате

сигаретах

вине

женщинах

лошадях,

все еще волнующимся об

Eric Coates, третьей Бетховена и

чем-то что задерживается в Чикаго уже три месяца

с его вином в бумажном пакете

и Pall Malls.

42 в августе, 42,

в его голове ходят крысы

пожирая мысли, прежде чем они родятся

и станут ясны ему самому.

старые поэты также отвратительны как старые педики:

в них есть что-то неприемлемое:

редактор хочет поблагодарить вас,

за ваше письмо но

с сожалением...

ВНИЗ

ВНИЗ

ВНИЗ

ВНИЗ

по темному холлу
пустому холлу, в котором нет женщин
чтобы сварить последнее яйцо
и сесть с ключами возле замочной скважины
щёлк щёлк щёлк,
над звуком телевизора
над звуком бьющих родников,
щёлк щёлк щёлк:
еще один пришедший в негодность
старый поэт.

Гонка

так случается, когда
ты соскальзываешь вниз
с тобой покончено словно ты
заводной патефон Victrola
(помните такие?)
и ты едешь в центр города
и смотришь как парни обмениваются ударами
но великолепные блондинки сидят
с кем-то еще
и ты состарился как punk в фильме:

сигара торчит из черепа, жирное брюхо,
только денег нет
нет мудрости при выборе пути, нет житейской мудрости,
как обычно
большая часть боев никудашна,
и после их окончания
ты возвращаешься на парковку,
сидишь и смотришь как они проходят мимо,
поджигаешь последнюю сигару,
и заводишь свою старую машину,
старая машина, немолодой человек,
едуций по улицам
остановленный красным светом
как будто нет никаких проблем,
и тут они догоняют тебя:
машина полная молодых,
хохочущих,
и ты смотришь как они уезжают со светофора
до тех пор пока
кто-то позади тебя не жмет на сигнал
и он встряхивает тебя обратно
в то, что еще осталось от твоей жизни.
несчастный, жалеющий себя,
ты вжимаешь педаль в пол
и догоняешь молодых,
ты проезжаешь мимо них

держась за руль как будто вся любовь вышла
ты едешь к пляжу
с ними
размахивая своей сигарой и своей решимостью,
смеясь,
ты отведаешь их к океану, к последней русалке,
водорослям и акуле, радостному киту,
конец плоти времени и ужасу,
и они наконец останавливаются
а ты продолжаешь лететь к океану,
с сигарой кусающей твои губы
как когда-то их кусала любовь.

Стихотворение, которое было очень сложно переводить, - взяться и тащить. Я не считаю его удачным. Мне кажется, я вижу, на чём поэт пытался сыграть и, мне кажется, что в данном случае у него не получилось. Впрочем, это только мое мнение.

Воскресный художник

я рисовал два последних воскресенья;
вы правы ничего особенного,
но когда ты состязаешься сам с собой великие мечты разбиваются:
история снимает свое платье и предстает обычной шлюхой,
и я проснулся утром
чтобы увидеть как орлы хлопают своими крыльями словно тени;

я встретил Montaigne и Phidias
в языках пламени моей мусорной корзины,
я встретил варваров на улицах
с головами раскачивающимися словно у грызунов
я видел шаловливых детей в синих ванночках,
жаждущих красивых как цветы стеблей,
и я видел забулдыгу тоскующего
над последней мертвой монетой;
я слышал Domenico Theotocopoulos
кашлющего в своей могиле морозными ночами;
и, Боже, он был не выше чем моя домовладелица
с ее выкрашенными красным волосами, он спросил меня сколько времени;
я видел серую траву любовников в своем зеркале
пока прикуривал сигарету от аплодисментов маньяка;
кадиллаки взбирались по моим стенам словно тараканы,
и золотая рыбка поднимала бурю в моем стакане, ручные тигры;
да, я рисовал эти воскресенья –
серую мельницу, новый мятеж; это действительно ужасно:
я должен забить свой кулак в очиститель и хлорин,
в Andernach и яблоки и кислоту,

затем, я действительно должен вам сказать, что
у меня здесь вокруг ходит женщина, которая месит тесто для вафель и поет,
а краска прилипает к моей руке, словно конфета.

Равнодушен к этому стихотворению, поступил бы с ним также как с бородиным, то есть не стал бы тратить время. Но перевел. потому что в жизни каждого мужчины может быть только один бородин :)

Вегас

там было замерзшее дерево, которое я хотел нарисовать
но его кора осыпалась
и глядя наискось на зеленую тень от солнца
в 3.30 утра,
я умер без гвоздей, без копии Atlantic Monthly,
окна кричали словно вдовы оплакивающие разбомбленный Милан
я поехал чтобы жить с крысами
огни были слишком яркие
я подумал, что может быть мне лучше стоит вернуться и сесть
на поэтическом чтении:

прекрасное описание газели
это ад;
крест стоит на моем подоконнике словно муха,
дыхание моей матери шевелит маленькие листья
моего сознания;

и я ехал на попутках обратно в Л.А. сквозь похмельные пары

и вытащил письмо из своего кармана, чтобы прочесть его
и водитель грузовика спросил меня «что там?»
и я ответил на Севере есть некая девчонка, которая когда-то
спала с Паундом, она пытается мне доказать, что Н.Д.
была нашим лучшим автором; что ж, Хильда подарила нам несколько розовых
греческих богов на фарфоровой посуде, но после того как почитаешь ее
у меня из костей все также торчат 140 сосулук.

я не еду именно в Л.А. сказал водитель.

ничего страшного, сказал я, белокрылые лилии кивают нашим мыслям
и однажды мы все отправимся домой
вместе.

на самом деле, сказал он, дальше мы не
не едем.

так что я оставил его; старая морщинистая шлюха времени
твои груди на вкус словно сливки мечты...

он оставил меня
посреди пустыни;

умереть это умереть, это умереть,

старые фотографии в погребке,
joe di maggio,
журналы вперемешку с луком...

спустя 45 минут
меня подобрал старый ford
и на этот раз
я молчал в тряпочку.

Дом

они строят дом
полквартила вниз по улице
и я сижу здесь наверху
слушая звуки,
молотки забивающие гвозди,
thack thack thack thack,
а потом слышу птиц и
thack thack thack
и я ложусь в кровать,
натягиваю покрывало к горлу;
они строят этот дом
уже месяц, и скоро в нем будут
его собственные люди... спящие, жующие,
любящие друг друга,двигающиеся туда-сюда,
но почему-то
сейчас

это не кажется правильным,
во всем этом есть какое-то безумие,
мужчины ходят по крыше этого дома с гвоздями во рту
а я читаю о Кастро и Кубе,
и по ночам я прогуливаюсь рядом с домом
и вижу ребра дома
а внутри я вижу кошек прогуливающихся
так как прогуливаются кошки,
а потом парень проезжает на велосипеде,
а дом все еще не готов
и утром мужчины
вернутся
чтобы ходить внутри дома
со своими молотками,
и кажется, что люди не должны больше строить
дома,
кажется, что людям надо остановить работу
и сидеть в маленьких комнатах
на вторых этажах
под электрическими лампами без абажуров;
кажется, что есть многое, что стоит забыть
и многое что не стоит делать
и в аптеках, на рынках, в барах
люди устали, они не хотят больше
двигаться, я стою там ночью
и смотрю сквозь этот дом и

дом не хочет, чтобы его построили;
сквозь его стены я вижу фиолетовые холмы
и первые огни вечера,
и становится холодно я застегиваю свое пальто
и стою, продолжая смотреть сквозь дом
и кошки останавливаются и смотрят на меня
пока я не начинаю чувствовать себя неловко
и начинаю двигаться на север
где я куплю
сигарет и пива
а затем вернусь в свою комнату.

следующее - великолепное стихотворение, которое ТАК мог написать только Буковски.

Бок солнца

быки великолепны словно солнечный бок
и хотя их убивают на потеху черствым толпам
это бык зажигает огонь,
и пускай бывают трусливые быки, как
бывают трусливые матадоры и трусливые мужчины,
в большинстве случаев бык остается безупречным
и умирает безупречным
нетронутым символами или кликами или фальшивой любовью,
и когда они утаскивают его с арены,

ничего не умерло
просто что-то прошло
осталась только вечная вонь
этого мира.

Болтуны

мальчик шагает своими грязными ступнями по моей
душе
рассуждая о декларациях, виртуозности, дирижерах,
менее известных романах Достоевского;
рассказывая о том как он поправил официантку,
мясорубку, которая не знала о том, что французский соус
состоял из того-то и того-то;
он бормочет об Искусстве до тех пор пока
я не ненавижу Искусство,
и не остается ничего более чистого,
чем вернуться в бар или
вернуться на скачки и смотреть на бегущих лошадей,
наблюдать за тем как вещи происходят без этого
шума и щебетания
talk, talk, talk,
продолжает маленький ротик, глазки моргают,
мальчик, ребенок больной Искусством,
хватаящийся за него словно это мамина юбка,

и мне становится интересно сколько еще десятков тысяч
таких как он вокруг света
дождливыми ночами
солнечными днями
вечерами предназначенными для тишины
в концертных залах
в кафе
на поэтических чтениях
болтают, пачкают, спорят.

будто бы свинья улеглась в кровать
с добротной женщиной
и ты не хочешь больше
эту женщину.

Прекрасный полдень в кровати

красное лето и черный атлас
мел и кровь
окружают мои простыни
пока где-то наступают на улиток
и ночные бабочки сходят с ума
пытаясь положить свой глаз
на горящие лампы
искусственных городов;
я прикуриваю ей сигарету

и она выдыхает плазму
расслабленности
доказывая, что мы оба были
хорошими любовниками ---
белый на черной и в черной;
ее пальцы выбивают черные
перекрестки
в моих крепких простынях
она спрашивает этот лифтер...
знаешь его?
я отвечаю да.
ублюдок... бьет свою жену.
я кладу руку
на поверхность,
туда где изгибается простынь
чертовски неплохо для СТАРИКА,
ты действительно любишь поразвлечься!
я протягиваю руку и хватаю бутылку, присасываюсь к ней как следует,
лежа на спине,
пиво словно мыльная вода
затыкает мне рот булькающими
звуками, а она слушает их,
с глазами вращающимися
словно киносъёмочный аппарат
и внезапно мне становится необходимо засмеяться
я выпускаю из себя китовый фонтан

пены и жидкости,
величественно приземляющийся на обои
и она смеется
глядя на мое безумие,
она смеется держа свою сигарету
высоко в воздухе
одной рукой
дым рассеивается
и мы смеемся вместе
лежа в постели
смеемся
и нам на все
наплевать
и это очень
очень смешно.

Священник и матадор

в тягучем мексиканском воздухе, я наблюдал за умирающим быком
они отрезали ему ухо, и его великолепная голова теперь внушала
не больше ужаса, чем камень.

по пути назад на следующий день мы остановились в Миссии
и рассматривали огненно золотые и синие цветы, натянутые
словно тигры на ветру.

я оставил в своей памяти: быка, и крепость Иисуса:
матадора, стоящего на коленях возле своего мертвого ребенка - быка;
я запомнил священника пристально глядящего из своего окна
словно запертый медведь.

вы можете торговаться на рынке и вышить свои сомнения
шелковыми нитями: я лишь скажу вам,
что я жил в обоих храмах,
веря во всё и ничто --- возможно теперь эти храмы умрут
во мне.

Любовь и слава и смерть

она сидит сейчас на моем подоконнике
будто старуха собралась на рынок,
сидит и наблюдает за мной,
нервно потея
сквозь проволоку и туман и собачий лай
пока внезапно
я не бью по стеклу газетой
словно пытаюсь прихлопнуть муху
и вы можете слышать вопль,

несущийся над этим ужасным городом
и она ушла.

чтобы закончить
подобное стихотворение
надо внезапно
замолчать.

Мой отец

он носил с собой кусок
графита, лезвие и кнут
а по ночам
боялся собственной головы,
накрывая ее простыней
однажды в Лос-Анджелесе
пошел снег
и я увидел снег
и тогда я понял и поверил, что мой отец
ничего не может контролировать,
когда я немного подрос
и сел в свой первый товарный вагон
я сидел в извести

пылающей извести
ничего не имея,
двигаясь прямо в пустыню
в первый раз в жизни
я пел.

Птица

красноглазая и похмельная совсем как я
в 5 часов утра
прямо из Египта
пролетела птица,
и Мария почти наткнулась на нее:
что это было? ракета?
мы пошли наверх.
я налил два стакана портвейна.
и сидел пока рвачей
выдавливали из их несчастных гнезд
Мария вошла в комнату и осушила
чашу
а я почесывая свою трехдневную бороду думал о сумасшедшей птице
примерно следующее:
все, что действительно имеет значение
это бежать в какое-то место, все равно куда

и как можно быстрее,
потому что так остается меньше времени на то, чтобы
умирать. Мария вышла и я откинул простыни
сорвал свою засаленную одежду
и забрался под потные простыни
закрыв глаза,
я услышал как она сбросила с себя свои туфли на высоких каблуках
и ее холодные пальцы прошли по моим икрам
я назвал птицу
Мистер Америка
после чего быстро уснул.

Единственное число мужской род

над морем
есть эти маленькие утёсы
сейчас ночь, темная ночь;
и я не смог уснуть,
с моей машиной, стоящей надо мной
словно стальная мать
я лезу вниз с этих скал,
ломая куски камней
царапаясь об окаменевшие водоросли,
я спускаюсь неловко, неумело,

ненормальный, выбравшийся на берег моря,
и везде вокруг виднеются любовники,
двухголовые животные,
поворачивающиеся и наблюдающие
за безумием
одиночки мужского рода;
стыдясь себя, я пробираюсь сквозь их ряды,
чтобы взобраться на ряды мокрых валунов, о которые
разбивается прибой
в белые брызги;
лунный свет мокро
отражается на голом камне
и теперь поскольку я здесь,
мне не нравится быть здесь
море воняет
и издает звуки спускаемой
в унитаз воды
здесь хреновое место для того, чтобы умереть;
любое место где ты умираешь хреново,
но лучше чтобы это была желтая комната
со знакомыми стенами и пыльными
абжурами; так что...
все еще глупо, разумеется,
словно шакал забредший на территорию львов,
я снова иду сквозь
них, сквозь их покрывала

и их костры и поцелуи и песочные колебания тел,
я взбираюсь обратно на утес
чувствуя себя всё хуже, сбивая куски земли
за мною
черное небо и черное море
проигравший,
я забыл внизу свои ботинки
с ними, пара пустых ботинок,
и в машине
я запускаю двигатель,
включаю дальний свет я уезжаю
поворачиваю налево, еду на восток,
еду сквозь землю
босые ноги на рифленой резине педалей
подальше оттуда
в поисках другого места.